

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

EDN: YRDDWR

doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-4

ФОРМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Кирилл Александрович Орлов

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия

orlov.82@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Вопросы признания, одобрения власти и доверия к ней со стороны общества всегда вызывали интерес государства как основного субъекта управления. Данный аспект находит свое проявление в контексте позиционирования государства как правового и демократического, в котором процессы легитимации власти приобретают с ее стороны особое значение и острую потребность. Еще большую актуализацию вопросы легитимности государственной власти приобретают в условиях современной глобальной публичной действительности, когда процессы государственного управления становятся доступными для восприятия и оценки всего общества. Цель настоящей работы – проанализировать основные правовые и неправовые формы осуществления легитимации государственной власти. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа и обобщения сложившихся форм, используемых для осуществления легитимации государственной власти. *Результаты.* Исследовано содержательное наполнение основных правовых и неправовых форм осуществления легитимации государственной власти. *Выводы.* Сформировавшиеся правовые (развитие правовой основы функционирования институтов гражданского общества и местного самоуправления, минимизация функций, возрастание организационного потенциала и сокращение контрольно-ревизионной деятельности, оптимизация правовой основы и законодательства, законодательные ограничения действия государственного аппарата, развитие гражданско-правовых отношений, гражданского права, очищение его от административно-правовых и полицейских вкраплений, обеспечение социальной справедливости, независимость (негосударственность) правосудия, антикоррупционная практика, компетенция как основа практики комплектования кадров и оценка государственной деятельности) и неправовые (пропаганда, контрпропаганда, политика социального маневрирования, влияние ресурсов СМИ и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», популизм) формы легитимации государственной власти способны установить доверительное, одобрительное отношение к власти со стороны общества, что способствует эффективности государственного управления.

Ключевые слова: государство, легитимность, легитимация, правовые формы легитимации государственной власти, неправовые формы легитимации государственной власти

Для цитирования: Орлов К. А. Формы легитимации государственной власти // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 1. С. 30–39. doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-4. EDN: YRDDWR

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

FORMS OF STATE POWER LEGITIMATION

Kirill A. Orlov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia

orlov.82@mail.ru

Abstract. *Background.* The issues of recognition, approval and trust in the authorities by the society have always aroused the interest of the state as the main subject of governance. This aspect finds its manifestation in the context of positioning the state as legal and democratic, in which the processes of legitimation of power acquire special significance and urgent need on its part. The issues of the legitimacy of state power are becoming even more relevant in the conditions of modern global public reality, when the processes of state governance become accessible to the perception and evaluation in the whole society. The aim of this work is to analyze the main legal and non-legal forms of legitimation of state power. *Materials and methods.* The tasks are implemented on the basis of the analysis and generalization of the established forms used to legitimize state power. *Results.* The content of the main legal and non-legal forms of legitimation of state power are studied. *Conclusions.* The existing legal (development of the legal basis for the functioning of civil society institutions, local self-governance, minimization of functions, increase in organizational capacity and reduction of control and audit, optimization of legal frameworks, legislation, legislative restrictions on the operation of the state apparatus, development of civil law relations, civil law, purification of it from administrative, legal and procedural inclusions, guarantee of social justice, independence (non-statehood) of justice, anti-corruption practice, competence as a basis of staffing practice and assessment of state activity) and non-legal (propaganda, counter-propaganda, social maneuvering policy, influence of mass media, information and telecommunication networks the Internet, populism) forms of legitimation of state power can promote the trusting and approving attitude to the authorities from the society, which contributes to the effectiveness of public governance.

Keywords: state, legitimacy, legitimation, legal forms of state power legitimation, non-legal forms of state power legitimation

For citation: Orlov K.A. Forms of state power legitimation. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2023;11(1):30–39. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2023-11-1-4

Достижение и обладание государственной властью таким свойством, как легитимность, безусловно, позволяет более оперативно и эффективно осуществлять управление общественными процессами в тех государствах, которые позиционируют себя демократическими и цивилизованными.

Современная государственность обуславливает наличие легитимности как неотъемлемой характеристики (что подтверждается значимыми научными исследованиями [1, 2]), поскольку ее аутентичное наличие позволяет демонстрировать свой уровень развития и высокий статус не только на международной арене, но и во внутривластных делах, во взаимоотношениях со своим народом, который доверяет власти, уважает ее и ответственно выполняет формирующиеся правила поведения.

Структурно процесс легитимации публичной власти как государственной, так и муниципальной требует наличия определенных структурно и содержательно взаимосвязанных элементов. Ключевыми компонентами анализируемого процесса являются субъекты (общество и власть), объект легитимации – осуществление властных полномочий, содержание –

взаимные права и обязанности, формирующиеся при реализации функции управления со стороны государства. При этом важным аспектом при воплощении формирующихся отношений по легитимации государственной власти является соблюдение следующих принципов: законность, публичность, равенство всех перед законом, демократизм, открытость, целостность, гарантированность права на защиту, невмешательство государства в частную жизнь граждан и межличностные отношения, свобода и конкуренция в экономической и политической сферах.

К формам легитимации государственной власти относятся способы выражения конкретных направлений деятельности по достижению легитимности государственной власти.

Подразделение форм легитимации на правовые и неправовые происходит в зависимости от их закрепления в правовых актах, от характера выражения, а также способности обуславливать правовые последствия.

К неправовым формам легитимации государственной власти в современном государстве относятся:

1. Влияние ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и иных средств массовой информации на сознание и поведение субъектов общественной жизни.

В современный период развития телекоммуникационных технологий воздействие сети «Интернет» приобрело колоссальное значение. Аудио- и телевизионные средства массовой информации, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» способны оказывать целенаправленное конструктивное и деструктивное воздействие на массовое поведение членов общества, затрагивая в том числе и отношение к публичной власти. В повседневном режиме могут применяться различные технологии, направленные на формирование положительного образа одних представителей власти и дискредитацию других. При этом следует отметить, что эффект от этого воздействия присутствует практически всегда. Аудитория, на которую распространяется информация, чаще всего не искушена особенностями различных технологий воздействия, поэтому эффект от влияния чаще всего закономерный – большинство представителей общества не остаются равнодушными и формируют определенные поведенческие установки. Деструктивные модели поведения в информационной сети получили название «кибербуллинг» [3], «кибертроллинг» [4], «кибераутинг» [5], «киберсталкинг» [6].

2. Использование аргументов популизма, т.е. деятельности, направленной на обеспечение популярности представителей государственной власти среди населения путем громких и чаще всего нереализуемых обещаний. Особенно ярко данные процессы проявляются в период избирательных кампаний, когда необходимо получить поддержку со стороны электората и обойти кандидатов из конкурирующих штабов. Поток самой разнообразной информации выливается на обывателей и оказывает влияние на их сознание, ценности и отношение к политической жизни государства, в том числе и легитимацию власти.

3. Пропагандистская деятельность. Данная форма связана с тем, что заинтересованные в легитимации власти субъекты осуществляют распространение информации, формирующей убеждения, идеи и ценности в сознании широких слоев населения.

Пропаганда как метод воздействия всегда использовалась государствами при формировании демократических, авторитарных и тоталитарных политических режимов, поскольку позволяет эффективно решать задачи, связанные с восприятием и оценкой публичной власти, обладающей свойством легитимности.

Как форма легитимации пропаганда способна выполнять важную идеологическую задачу, реализуя для этого функции внутреннего и внешнего характера. Пропаганда может носить и деструктивный характер, что влечет ее запрет как в отраслевых правовых актах, так и в основных законах государства [7].

Использование различных приемов пропаганды («визуальные образы», «слово-классификаторы», «создание аналогий», «иллюзия документальности», «гроза», «искажение размеров», «ссылка на авторитеты», «локальная безальтернативность», «группа поддержки», «эффект интерактивности», «таран», «киношное преследование», «формирование социального сообщества», «наведение ассоциаций») представителями государственной власти весьма

эффективно влияет на формирование положительного образа ее субъектов внутри пространственных границ государства. Данный процесс становится достаточно плодотворным в том случае, если у представителей общества сформированы объединяющие их мировоззренческие ценности (скрепы), воздействуя на которые государство достигает необходимого эффекта.

Кроме того, указанные приемы могут быть реализованы и при осуществлении внешней политической деятельности для формирования позитивного и располагающего к взаимодействию отношения среди членов международного сообщества.

4. Политика социального маневрирования. Данная форма реализуется через развитие системы социализации личности, сферы воспитания, культурных факторов, образовательной сферы. В рамках данной формы задействованы многие социальные институты общества – семья, образовательные организации разных уровней, общественные объединения культурного, политического и экономического характера деятельности.

Государство, которое обеспокоено достижением легитимности власти, использует для этого широкий спектр действий, охватывающий многие сферы жизни общества, такой комплексный подход позволяет системно воздействовать на сознание населения, находя у него отклик на поддержку и принятие властвующего субъекта.

Правовые формы легитимации государственной власти представлены более широким спектром проявлений.

1. Развитие правовой основы функционирования институтов гражданского общества, местного самоуправления.

Формы совместной организации деятельности граждан, направленные на решение социально значимых вопросов, в современных цивилизованных государствах выступают важным элементом связи общества и органов публичной власти. В частности, используя такие формы, как митинги, шествия, пикетирования, обращения в государственные органы, местный референдум, муниципальные выборы, сходы граждан, правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрания, конференции граждан, опрос граждан, власть способна выявить настроение населения по вопросам осуществления должностных полномочий, оценку своей деятельности, проанализировать и (при необходимости) устранить имеющиеся неточности.

Современное гражданское общество в эпоху стремительного развития технологий информационного обмена всегда находится в курсе последних событий, происходящих в городе, регионе или стране в целом. Более того, оно весьма оперативно реагирует на ущемление прав и свобод граждан, призывая власть вмешаться в урегулирование той или иной спорной ситуации, проявить цивилизованную принципиальность для достижения демократических ценностей. Это вынуждает государство быть в тонусе и прилагать еще больше усилий для поднятия своего авторитета, формирования и поддержания легитимности. К тому же подобная деятельность способствует реализации конституционного права гражданина на участие в управлении делами государства, развивает его демократические институты (это находит активную поддержку в юридической научной литературе [8–10]).

2. Минимизация функций, возрастание организационного потенциала и сокращение контрольно-ревизионной деятельности.

В зависимости от типа правового регулирования, избранного государством в качестве основного при упорядочивании общественных отношений, складывается определенный объем требований и обязанностей, предъявляемых к гражданам.

В рамках разрешительного типа, при котором субъектам запрещено все, кроме прямо разрешенного законом, говорить о процессе легитимации государственной власти не приходится. При общедозволительном типе, когда субъектам разрешено все, кроме запрещенного законом, процесс легитимации власти будет более логичным и продуктивным. Но даже в рамках данного типа государство не должно выходить за пределы своей «опеки», поскольку каждый факт вмешательства государственных органов в дела граждан воспринимается достаточно тяжело. Любые попытки ужесточения режима упорядоченности общественных

отношений, которые со стороны государства обусловлены достижением заботы о своих гражданах либо обеспечением их безопасности, рано или поздно приводят к отторжению власти и потере ее легитимности.

3. Оптимизация правовой основы, законодательства.

Совершенная и гармоничная система законодательства, содержащая исчерпывающий перечень правовых норм, отсутствие пробелов и коллизий в праве, возможность и гарантированность реализации правовых положений, а также компетентное и квалифицированное применение законодательства должностными лицами являются основой для полноценного упорядочивания общественных отношений. Более того, последовательная работа по устранению возникающих сложностей в данной сфере создает благоприятную среду для всех участников общественных отношений, которые ответственно и добросовестно соблюдают положения действующей системы права как отражения деятельности органов государственной власти и индикатора ее легитимности.

4. Законодательные ограничения действия государственного аппарата.

Взаимная связь, взаимообусловленность государства и права проявляются в том, что государство как организация власти создает право для урегулирования наиболее значимых общественных отношений в обществе, в том числе и тех, в которых оно представлено самостоятельным субъектом.

В данном контексте крайне важно при создании правил поведения, которыми руководствуются должностные лица государственных органов, выдержать требования таких принципов, как справедливость, гуманизм, равенство всех перед законом, уважение прав и свобод человека, добросовестность, разумность, неразрывная связь прав и обязанностей.

Любые предусмотренные в законе возможности для должностных лиц использовать свои полномочия в личных целях, получить ощутимый приоритет в отношениях с иными участниками общественных отношений очень чутко и болезненно воспринимаются со стороны общества, а также деструктивно влияют на легитимацию государственной власти. В свою очередь самоограничение данных возможностей и формирование правового статуса государственного органа как субъекта, созданного для защиты интересов граждан и оказания им государственных услуг надлежащего качества, позитивно воспринимаются обществом, получают поддержку с его стороны.

5. Развитие гражданско-правовых отношений, гражданского права, очищение его от административно-правовых и полицейских вкраплений.

В современной юриспруденции укоренилась концепция, которая дифференцирует разные подходы к урегулированию общественных отношений в зависимости от интереса, который реализуют его участники. В качестве основного критерия в данном случае выступает метод правового регулирования, который может быть императивным (регулирует отношения, где превалирует публичный интерес) и диспозитивным (упорядочивает отношения, в которых главенствующее значение приобретает частный интерес). Существующие отрасли права выдерживают данную дифференциацию и в зависимости от характера упорядочиваемых отношений используют какой-то из указанных в качестве приоритетного. Отрасли конституционного, административного, финансового, уголовного, уголовно-процессуального права регулируются преимущественно императивным методом. Отрасли гражданского, трудового, семейного права в качестве основного используют диспозитивный метод [11].

Данная тенденция весьма адекватна и гармонична для современного этапа построения демократического цивилизованного государства. Все субъекты формирующихся общественных отношений осознают правила игры, сложившиеся в тех или иных отраслях права, при этом у них не возникает вопросов, почему государство в отраслях публичного права имеет приоритет предоставленных ему полномочий.

Несколько иначе общество реагирует на факты вмешательства государства, когда отношения традиционно носили характер частных либо когда в публичных отношениях происходит чрезмерное увеличение объема полномочий властвующего субъекта. В качестве примера можно привести случаи обязательных нотариальных действий в отношении традиционных

гражданско-правовых договоров, что влечет для участников обязательства дополнительную финансовую нагрузку. Также негативно воспринимается и увеличение объема полномочий органов государственной власти, относящихся к силовому блоку. Необходимо отметить, что цифровизация общественных отношений усложняет разграничение императивных и диспозитивных методов регулирования [12–14].

6. Обеспечение социальной справедливости.

Критерий справедливости в российской теоретической и практической деятельности имеет весьма существенное значение и может быть представлен как принцип права, а также как принцип деятельности органов государственной власти. Такая важная роль отводится в связи с тем, что справедливость является одной из ключевых категорий философской, этической, правовой и политической мысли [15]. Ее содержание заключается в требовании достижения оптимального баланса в определенных сферах деятельности человека, например, между полярными, пограничными категориями – прав и обязанностей, преступления и наказания, деяния и воздаяния. Справедливость как базовый принцип деятельности находит свое отражение в правовых системах многих современных государств и международных источниках права, в российском государстве справедливость как принцип деятельности закреплена в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

Что касается социальной справедливости, то ее содержательное наполнение будет включать базовые исходные положения, закрепляющие общечеловеческие ценности равенства всех граждан перед законом и судом, обеспечения гарантий достойной жизни, высокого уровня социальной, медицинской, пенсионной поддержки и защищенности, соразмерной оплаты труда, создания благоприятных условий жизнедеятельности граждан, нуждающихся в дополнительной поддержке и защите, обеспечения доступности приобретения жилья. Деятельность государства по формированию и поддержанию указанных условий позволяет гражданам ощутить на себе заботу и внимание со стороны власти, придает уверенность, формирует легитимное отношение к властвующим субъектам.

7. Независимость (негосударственность) правосудия.

Независимый и самостоятельный суд является залогом эффективности деятельности государственного аппарата и всего государства в целом. Уверенность граждан в том, что они найдут справедливое разрешение спорной ситуации в беспристрастном суде, оказывает положительное влияние на их правовое сознание и правовые установки, что в дальнейшем трансформируется в признание власти, уважительное к ней отношение, доверие ей. Специфика деятельности органов государственной власти заключается в том, что они при осуществлении своих полномочий могут действовать достаточно прагматично и отстаивать свой публичный интерес. В сфере законодательной деятельности при создании нормативных правовых актов, в исполнительной и судебной сферах при применении данных актов. В данном контексте получить поддержку со стороны законодательной и исполнительной власти по отражению частных интересов гражданам не всегда возможно, а вот найти справедливость в независимом судебном органе оказывается для них «последней надеждой» на решение их жизненно важной ситуации. Указанный аспект в большей мере является специфическим проявлением правовой психологии, сложившимся в современном государстве и отражающим установку граждан на помощь суда как авторитетного и беспристрастного органа власти.

8. Антикоррупционная практика.

Коррупция является одной из основных проблем современных государств при осуществлении возложенных на них полномочий. Это предопределяет формирование специальной правовой базы [16–18] (а также научной доктрины, прогнозирующей использование многих инновационных технологий в борьбе с данным явлением [19, 20]). Обладание властными полномочиями, доступом к бюджетным средствам и возможностью распоряжаться ими предоставляет большие преимущества недобросовестным и алчным служащим публичной власти.

К сожалению, коррупционная деятельность не является исключением для многих развитых государств, имеющих в своем механизме органы, осуществляющие борьбу с данным негативным явлением. Вместе с этим в тех из них, где государственные служащие, а также представители гражданского общества сумели организовать деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений, а также минимизировать и (или) ликвидировать последствия этих правонарушений, положительное восприятие органов власти, а также в целом их легитимность значительно выше. Это связано с тем, что репутация честных, порядочных и некоррупцированных чиновников вносит значительный вклад в легитимацию государственного механизма и всего государства в целом, при этом важно заметить, что формируется данный статус достаточно долго, а разрушается одиночными фактами проявления коррупции.

9. Компетенция как основа практики комплектования кадров и оценка государственной деятельности.

Квалифицированные и компетентные сотрудники и работники всегда являлись востребованными для органов публичной власти, поскольку они способны обеспечить наиболее оперативное и эффективное выполнение служебных обязанностей. Большинство должностных лиц, выполняющих функции и задачи государства, осуществляют непосредственное общение с гражданами, готовят ответы на обращения, ведут прием граждан. Это обуславливает повышенные требования к их лично-деловым качествам, профессионализму и в целом к квалификации. Отношение конкретного должностного лица к гражданину формирует у последнего общую картину компетенции всего аппарата государства. При этом негатив, с которым столкнулся заявитель, не только формирует отторжение государственных служащих, но и провоцирует ретрансляцию данных фактов на все общество, что негативно влияет на процессы легитимации власти.

В этих условиях крайне важно государству повышать уровень и авторитет государственной службы, формировать свой аппарат из квалифицированных и компетентных работников и служащих, готовых к ограничениям и лишениям ради выполнения задач государственного значения. На это нацелена и административная реформа, которая уже на протяжении нескольких лет обеспечивает повышение эффективности государства [21].

К требованиям, которые должны быть реализованы для формирования необходимого уровня компетенции, следует отнести наличие профильного образования, регулярное повышение квалификации, устойчивую солидарность с законом, готовность защищать его, убежденность в незыблемости принципа законности, высокую теоретическую подготовленность, позволяющую принимать правильные решения в сложных юридических ситуациях, нацеленность на активные действия в сфере правоохраны, уважение к праву, закону, тактике его применения [22, с. 44].

Отдельным аспектом в рамках формируемой компетенции государственных служащих является профилактика деформации профессионального правосознания, которая существенным образом способна оказывать влияние на процессы легитимации власти.

Потеря представления о гражданском и нравственном смысле профессиональной деятельности, подмена ее норм в поведении искаженными узкокорпоративными нормами (профессионально-нравственная сфера), шаблонность мышления, постепенная утрата его широты, глубины, критичности, преувеличение значимости собственного профессионального мнения и опыта, а иногда – их абсолютизация (профессионально-интеллектуальная сфера), разбалансированность и огрубление эмоционально-волевой сферы, появление длительных депрессивных состояний, рост внутренней и внешней конфликтности, агрессивность, ослабление волевых качеств, потеря способности к самоконтролю и саморегуляции (эмоционально-волевая сфера) самым непосредственным образом подрывают авторитет государственных служащих и легитимность государственной власти [23, с. 44].

Указанные формы в комплексном сочетании должны использоваться современными государствами для полноценного осуществления процесса легитимации государственной власти, поскольку эта деятельность непосредственно влияет на результативность и эффективность

управления. Это связано с тем, что легитимация власти всегда оставалась неустойчивым и непредсказуемым видом политического процесса, результаты которого тем не менее ощущаются всем обществом. Важнейшей задачей политической власти остается дальнейшее укрепление основ собственной легитимности, остановка в этом важном для власти виде деятельности может привести к самым непредсказуемым последствиям, что не отвечает интересам ни общества, ни государства.

Список литературы

1. Плигин В. Н. Легитимность государства: подходы к пониманию // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 42–46. EDN: [IBVJLZ](#)
2. Носов С. И. Легитимность и легальность как правовые категории // Юрист. 2020. № 8. С. 43–49. doi:10.18572/1812-3929-2020-8-43-49. EDN: [RXNDTA](#)
3. Иванова К. А., Степанов А. А., Немчинова Е. В. Кибербуллинг как девиация права граждан на свободу мнения в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). С. 96–101. doi:10.17803/1994-1471.2019.98.1.096-101. EDN: [VUIFFU](#)
4. Никишин В. Д., Галяшина Е. И. Юрико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 179–193. doi:10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193. EDN: [CVKBND](#)
5. Романовский В. Г., Кильдеев Р. Р. Право, социальные сети и борьба с терроризмом в России и за рубежом // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 57–60. doi:10.18572/1813-1247-2022-1-57-60. EDN: [OZLIUP](#)
6. Барышева К. А. Определение понятия и общественно опасной природы киберсталкинга // Адвокат. 2016. № 10. С. 60–66. EDN: [WWZBPT](#)
7. Тогузаева Е. Н. Техничко-юридические приемы закрепления запрета деструктивных видов пропаганды в конституционных актах современных государств // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 35–37. EDN: [VWWCOD](#)
8. Григорьев А. В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 45–57. doi:10.12737/jrl.2020.016. EDN: [JZYTJW](#)
9. Тепляшин И. В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 18–21. EDN: [VWWCMP](#)
10. Никитина Е. Е. Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 6 (246). С. 37–49. doi:10.12737/article_59240612b1a000.16568704. EDN: [YPLVQH](#)
11. Абрамова А. И. Стратегия правотворчества в условиях конвергенции социальных и технологических инноваций // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 10. С. 18–27. doi:10.12737/jrl.2022.102. EDN: [GEVUIC](#)
12. Емельянцева В. П. Цифровизация экономики и ее влияние на реновацию институтов гражданского права // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 11. С. 36–53. doi:10.12737/jrl.2021.134. EDN: [NYUBBH](#)
13. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102. doi:10.12737/art_2018_1_7. EDN: [YKWEZL](#)
14. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16. doi:10.12737/art_2018_9_1. EDN: [OZGIAV](#)
15. Нудненко Л. А. Справедливость как критерий баланса публичных и частных интересов // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 46–50. doi:10.18572/1812-3767-2021-1-46-50. EDN: [SNSLKW](#)
16. Бондарь Н. С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 4. С. 36–55. doi:10.12737/jrl.2022.039. EDN: [JTGNNNE](#)
17. Окутина Н. Н. Понятие и сущность коррупции в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 2. С. 52–56. doi:10.18572/1813-1247-2022-2-52-56. EDN: [KBQRAN](#)

18. Шафеев Р. Ш., Смотрина О. С. Доктринальная характеристика «бытовой» коррупции в регионах России: особенности и закономерности воспроизводства, перспективные способы профилактики // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 10. С. 157–173. doi:10.12737/jrl.2021.130. EDN: XZXVWL

19. Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 126–142. doi:10.12737/22727. EDN: XBDQFB

20. Романовский Г. Б. Контроль над расходами чиновников // Гражданин и право. 2013. № 4. С. 3–10. EDN: PZRDP

21. Романовская О. В. Принцип деконцентрации государственной власти в конституционном праве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 85–93. doi:10.21685/2072-3016-2016-2-9. EDN: WYCZBZ

22. Теория государства и права : учебник : в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. А. С. Шабуров, В. С. Плетников. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2009. 194 с. EDN: QRYJUD

23. Фалькина Т. Ю. К вопросу и концепте легитимации государственной власти // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 41–44. EDN: TXIEAZ

References

1. Pligin V.N. Legitimacy of the State: Approaches to Understanding. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2020;(11):42–46. (In Russ.)

2. Nosov S.I. Legitimacy and Legality as Legal Categories. *Yurist = Lawyer*. 2020;(8):43–49. (In Russ.). doi:10.18572/1812-3929-2020-8-43-49

3. Ivanova K.A., Stepanov A.A., Nemchinova E.V. Cyberbullying as a Deviation of the Right of Citizens to Freedom of Opinion on the Internet. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Topical Issues of Russian Law*. 2019;(1):96–101. (In Russ.). doi:10.17803/1994-1471.2019.98.1.096-101

4. Nikishin V.D., Galyashina E.I. Legal and Linguistic Approach to the Study of Polycode Texts of Criminogenic Communication in the Digital Environment in Order to Ensure Information (Ideological) Security. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Topical Issues of Russian Law*. 2020;15(6):179–193. (In Russ.). doi:10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193

5. Romanovskiy V.G., Kildeev R.R. Law, Social Media and Fight against Terrorism in Russia and Abroad. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Governance*. 2022;(1):57–60. (In Russ.). doi:10.18572/1813-1247-2022-1-57-60

6. Barysheva K.A. Definition of Concept and Socially Dangerous Nature of Cyberstalking. *Advokat = Lawyer*. 2016;(10):60–66. (In Russ.)

7. Toguzayeva E.N. Technical and Legal Methods of Securing the Prohibition of Destructive Types of Propaganda in the Constitutional Acts of Modern States. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2016;(5):35–37. (In Russ.)

8. Grigorev A.V. Implementation of the Constitutional Right of Citizens to Manage the Affairs of the State in the Context of Digitalization. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(2):45–57. (In Russ.). doi:10.12737/jrl.2020.016

9. Teplyashin I.V. Forms of Participation of Citizens in Management of State Affairs: Classical, Promising and Acceptable. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2016;(5):18–21. (In Russ.)

10. Nikitina E.E. System of Civil Society Institutions in Russia: Constitutional and Legal Aspect. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2017;(6):37–49. (In Russ.). doi:10.12737/article_59240612b1a000.16568704

11. Abramova A.I. Strategy of Lawmaking in the Conditions of Convergence of Social and Technological Innovations. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2022;26(10):18–27. (In Russ.). doi:10.12737/jrl.2022.102

12. Emelyantsev V.P. Digitalization of Economy and Its Impact on Renovation of Civil Law Institutions. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;25(11):36–53. (In Russ.). doi:10.12737/jrl.2021.134

13. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in Context of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(1):85–102. (In Russ.). doi:10.12737/art_2018_1_7

14. Khabrieva T.Ya. Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(9):5–16. (In Russ.). doi:10.12737/art_2018_9_1
15. Nudnenko L.A. Justice as a Criterion for the Balance of Public and Private Interests. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2021;(1):46–50. (In Russ.). doi:10.18572/1812-3767-2021-1-46-50
16. Bondar N.S. Constitution against Corruption: on Forming a National Constitutional and Legal Model of Anti-Corruption Activity. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2022;26(4):36–55. (In Russ.). doi:10.12737/jrl.2022.039
17. Okutina N.N. Concept and Essence of Corruption in Modern Russia. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Governance*. 2022;(2):52–56. (In Russ.). doi:10.18572/1813-1247-2022-2-52-56
18. Shafeev R.Sh., Smotrina O.S. Doctrinal Characteristics of “Domestic” Corruption in the Russian Regions: Features and Patterns of Reproduction, Promising Methods of Prevention. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;25(10):157–173. (In Russ.). doi:10.12737/jrl.2021.130
19. Tsirin A.M., Artemenko E.A. Digital Technologies and Artificial Intelligence as a Means of Preventing Manifestations of Corruption in Control (Supervisory) Activity: Russian and Foreign Practices. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;(3):126–142. (In Russ.). doi:10.12737/22727
20. Romanovskiy G.B. Control over the Costs of Officials. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2013;(4):3–10. (In Russ.)
21. Romanovskaya O.V. Principle of Deconcentration of State Power in Constitutional Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2016;(2):85–93. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2016-2-9
22. Shaburov A.S., Pletnikov V.S. (eds.). *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik: v 2 kn. Kn. 2 = Theory of State and Law: Textbook: in 2 Books. Book 2*. Ekaterinburg: Uralskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2009:194. (In Russ.)
23. Falkina T.Yu. On the Issue and Concept of Legitimation of State Power. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(2):41–44. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

К. А. Орлов – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

K.A. Orlov – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 66 Korepin street, Yekaterinburg, 620057.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 10.04.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.04.2023

Принята к публикации / Accepted 30.04.2023